

СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФАКТОВ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА. ДИЛЕТАНТЫ И УЧЕНЫЕ

С начала третьего десятилетия XIX века до установления основных норм в конце столетия и некоторое время спустя, шла бурная дискуссия по проблемам болгарского литературного языка. Участники в ней считали своим долгом высказаться, чтобы в конечном итоге прийти к общему согласию. Создававшаяся традиция была продолжена в XX и в начале нынешнего века. Выводы и оценки часто рождались в сопоставлении с другими славянскими языками (русский, сербский, реже — польский и чешский) и с языками Западной Европы (чаще всего немецкий и французский), а научная обоснованность иногда уступала «аргументам сердца». Какие языковые факты оказывались чаще всего в фокусе внимания, где границы объективного и субъективного, эмоционального и рационального подходов при интерпретировании этих фактов?

Формальная, звуковая сторона языка закономерно привлекает в первую очередь внимание при попытках определить главные характеристики любого языка. Современный болгарский литературный язык располагает 45 фонемами — 6 гласными и 39 согласными. Более существенным изменением подверглась система вокализма. Количество гласных уменьшилось — было 11, стало шесть. Самый характерный и выделяющий болгарский на фоне остальных славянских языков — гласный средне-заднего ряда, среднего подъема, графически обозначаемый буквой «Ь» (*er goлям*). Сторонники архаизации литературного языка в период Возрождения выдвигали мнение о том, что звук ь — элемент речи неграмотных болгар, «простого слога», противостоящего «высокому слогу» образованных болгар и стихотворства. Константин Фотинов считал его не исконно болгарским, а привнесенным извне (из татарского) [5]. Полярность и непримиримость позиций вылилась в желание осмеять, низвергнуть этот звук («одна из гнусностей, уродующая язык») или наоборот, возвеличить его («светило и красота болгарского языка»). Поэт-революционер Георги Раковски писал о звуке «под буквой «Ь» так: «Той глас е началото на живота на человека на света» (Этот звук — начало жизни человека в мире). Раковски подчинил все свои филологические разыскания идее доказать генетическую первичность болгарского языка по отношению ко всем остальным индоевропейским языкам, а также и то, что болгары — древнейшие жители Европы. Поэт Пенчо Славейков позднее высказал в своей статье в журнале «Мисъл» (1907, кн.1) идею, объясняющую появление гласного ь и отсутствие долгих гласных в болгарском языке. Эти черты фонетики Славейков связывает с особенностями пересеченного рельефа Болгарии: «высокие, острые вершины и глубокие долины» в языке находят выражение в «острых, как вершины гор, звуках». «Резкость» и «мощный порыв» речи болгар, по мнению Славейкова, гармонируют с их национальным характером [2]. Сложившееся представление о твердости

болгарского языка создавалось в сравнении с другими славянскими языками. Объективными предпосылками для такого утверждения являются наличие специфического гласного **Ъ** и позиционные ограничения мягкости согласных (не встречаются в конце слов, в середине слова первый из двух соседствующих согласных не может быть мягким, согласные перед гласными переднего ряда **Е** и **И** смягчаются лишь частично). Формированию представления о твердости и резкости болгарского языка способствовали стихотворения Ивана Вазова и Кирила Христова, где они сравнивали его с «камнем алмаза». Особенности болгарской фонетики традиционно рассматривались с точки зрения благозвучия и красоты (*хубост*) языка. Релятивный характер эстетического критерия хорошо осознавался пишущими на эти темы авторами. Проф. Александр Балабанов прямо говорит, о том, что считает деление языков на благозвучные и неблагозвучные «делом глупцов». Для Славейкова благозвучие напоминает повозку (*char a banks*), в которой есть скамейки: «она — красивая, элегантная, но не для долгого путешествия, а для прогулки по бульвару» [2]. Особую иерархию благозвучия гласных выстраивает в своей «Истории болгарского языка» проф. Бене Цонев: «Звук **ъ** не из самых благозвучных — наоборот, для неболгарского уха он даже неприятен.» В связи с этим Цонев предлагает ограничить, насколько это возможно, его употребление в литературном языке, заменив на «намного более благозвучный гласный **а** в суффиксах и окончаниях». Рассуждая о том, как следует произносить гласный на месте старого «**я**», Б.Цонев полагает, что эвфонические потери при отказе от чередования *е/а* в пользу постоянного *е* невелики, так как «звук *е* — благозвучен», а в литературном языке и так достаточно часто встречается *а* (*няма нужда от повече*) [7]. Как мы видим, даже в работах признанных ученых того времени нередко довольно субъективные взгляды на частные факты языка. Авторы старались привести и какие-то логические аргументы, но это не всегда им удавалось. Некоторые поэты и писатели искали реальные эталоны для своих сравнений (напр., у А. Каралийчева: «гибкий, упругий, стойкий (*жилав*) как тростник, твердый как сталь, нежный как дуновение вечернего ветра, горячий как молодое сердце, острый как меч») [2]. Перечень характеристик болгарского языка постоянно пополнялся новыми и вариациями старых: красивый, богатый, яркий, мужественный, дивный, активный, мистический, язык — избранник и пророк священных тайн, храбрый, буйный, полный движения в самых неожиданных направлениях. Разнообразные определения фактически сводятся к одному: болгарский язык способен выразить сложные мысли и чувства, динамику действий, ярко описать конкретную обстановку. Автор одной из первых работ по психологии болгарского народа Тодор Панов все-таки считает, что «он более пригоден для неторопливого процесса мышления, чем для быстрого перехода от одного явления к другому», а ясность, доходящая до лаконичной суровости, приучает «скорее думать, чем говорить». Этими своими чертами, по мнению Панова, болгарский язык ближе к немецкому — «языку философии», чем к французскому — «языку поэзии и изящной

литературы». Реализм в языке формирует, согласно Панову, реализм в характере. Поддерживая идею о связи языка и психологии народа, другие авторы решают вопрос об их взаимовлиянии в ином ракурсе. Одной из причин изменений в языке проф. Б. Цонев называет «душевный строй болгар, во многом отличающийся от характера других славян» [7]. Логическая цепочка: изменения в мышлении и во взглядах на окружающий мир ведут к изменениям в строе языка, для проф. Ал. Теодорова-Балана, объясняет переход болгарского языка от синтетизма к аналитизму. Главную тенденцию развития Балан формулирует так: «от формального — к предметному, от абстракции — к конкретике, от идеального — к реальному» [6].

Славянский в лексическом плане, болгарский язык разошелся сильно в грамматическом строе со своими собратьями. Оставаясь «умеренно консервативным» в отдельных фрагментах и активно развивая инновации в других, болгарский язык приобретал специфические черты в славянской семье. Самыми важными из них считаются морфологическое выражение определенности в именах, распад падежной системы в именном склонении и сильно развитая система глагольных категорий (вид, время, залог, наклонение). Сравнения с другими славянскими языками привели к необходимости решать вопрос о «потерях» и «приобретениях», «обогащении» или «обеднении» болгарского. В период становления литературного языка членные формы имен, наряду с обсуждением статуса гласного **Ъ** стали «болевой точкой» дискуссии представителей разных школ. Членные формы воспринимались их противниками как препятствие к сочинению хорошей поэзии. «Архаизаторы» не видели членных форм в текстах на церковнославянском языке, ошибочно принимаемом ими за староболгарский. На этом основании они считали членные формы излишеством и уродством, портящим язык. Происхождение этих форм для них оставалось или неизвестным («из небытия произведенные» — Хр. Павлович) или считалось результатом иноязычного, греческого влияния [5]. Важную роль в оценке упомянутого явления сыграл и авторитет российского ученого, автора первой грамматики болгарского языка Юрия Ивановича Венелина. Он не мог не заметить наличие членных форм и неизменяемых по падежам форм имен, но установка «болгары и так суть русское племя, русские выходцы» не позволила ему увидеть и определить правильно суть фактов, чуждых русскому языку: «Кто-то, видя в болгарской книжке частое, хотя нелепое повторение сего указательного местоимения, принял его за член задсловный, но несправедливо». Падежные «правильные» окончания он считает не исчезнувшими, а «спавшими с голоса» и это происходит «от продолжительности времени или старости языка, но еще более от влияния более жаркого климата, который действительно послабляет действия всех членов нашего тела и располагает язык к укорочению слов и умягчению оных» [3]. Заступники членных форм доказывали, со своей стороны, что они — не излишество, а необходимость, привносящая в речь нужную определенность смысла. С решением вопроса о принятии народной основы литературного языка необходимость членных форм была принята

окончательно и бесповоротно. В дальнейшем их наличие оценивалось только положительно: как «важная и ценная особенность» (Л. Андрейчин) [1], приобретение, придающее мысли «ясность и определенность» (Ив. Вазов) [2]. Обогащение и обеднение языка не связано обязательно с увеличением или уменьшением количества словоформ, тем более это не может быть определяющим критерием в решении вопроса о «развитости» или «неразвитости» языков. Распад падежной системы имен воспринимается писателем Эмилианом Станевым не как потеря, а как проявление «болгарского гения», удивительное достижение (*чудо*) «простых и безграмотных пастухов и жнецов» [2].

Контраст между количеством и характером категорий, составляющих грамматическое значение болгарского глагола и глаголов остальных славянских языков, тоже является поводом для толкований. Б.Цонев выражал мнение, что «болгарин высказывает свои мысли чаще всего в целых глагольных выражениях, в глаголах лучше всего отражается дух языка, он — самая важная и самая мощная часть болгарской речи» [7]. Редкой и оригинальной особенностью болгарского языка назвал проф. Л. Андрейчин формирование особого наклонения пересказа для передачи несвидетельской информации., встречающееся из языков Европы **только** в турецком [1]. На самом деле такими наклонениями располагают также эстонский и латышский языки, но в рамках славянской общности это действительно уникальное явление. Вопрос о его генезисе и о роли турецкого влияния остается до сих пор открытым. Один из первых исследователей форм пересказа Юрдан Трифонов напрямую связывает их появление с определенными чертами народного характера: «предосторожность, уклонение от ответственности за то, в чем прямо не участвуем, так мы и стараемся в своей речи на каждом шагу подчеркнуть, что мы видели своими глазами и о чем лишь услышали от других людей». Трифонов ищет и языковое объяснение, допуская развитие форм на основе прошедшего неопределенного времени. Взаимодействием языковых (внутрисистемных) и этнопсихологических факторов в конце XX века пытался также объяснить существование форм времени «будущего в прошедшем» болгарский лингвист Михаил Виденов: «Для болгарина важно при описании нереализованного действия подчеркнуть, что у него было намерение совершить его и это намерение — достаточное основание для выхода с честью из неприятной для него ситуации» [4].

«Странности» болгарского языка, своего среди чужих и чужого среди своих, вызывали и будут вызывать повышенное внимание специалистов и дилетантов с филологическими интересами. Субъективность и объективность при этом всегда шли рядом, но часто из их сочетания появлялись оригинальные и перспективные идеи в науке о языке.

Литература

- Андрейчин Л. Основна българска граматика. С., 1978.
Българските писатели за родния език и художествено слово. С, 1973.
Венелин Ю.И. Грамматика нынешнего болгарского наречия. М, 1985
Виденов М. Езиковата култура на българите. С, 1995.
Строители и ревнители на родния език. С, 1982

Теодоров — Балан Ал. Български записи. С, 1956.
7 .Донев Б. История на българския език. С, 1985.